

*Посвящается тебе.
Именно тебе.*

«Куда проще представить себе убитую женщину,
нежели женщину, готовую на убийство».

*Алия Трабукко Зеран,
«Когда женщины убивают»*

ПРОЛОГ

*Ньюпорт, Род-Айленд,
семнадцать лет назад*

Мы играем в любимую игру Сюзи: я — владелица магазина, а сестренка исполняет роль покупателя. Ее плюшевые игрушки по очереди заходят в мою лавочку и приобретают самые разные товары (из тех вещей, что находятся в спальне). Я же притворяюсь, что не горю желанием ничего продавать.

— О нет, сэр, — говорю я с притворной обидой. — Никак не могу продать вам пару носков — в нашем магазине их нет. Наверное, вы перепутали: вам нужна соседняя лавочка — там найдете сколько угодно.

— Я ведь вижу, здесь есть носочки! — густым басом возражает игрушечная овечка и кивает в сторону открытого ящика комода.

— Это не на продажу, — осаживаю я покупателя. — Не продаются ни за какие деньги.

— Но... мне нужны носочки, а здесь магазин! — мило шепелявит Сюзи.

— Это особенные носки, часть нашей драгоценной коллекции, которая останется для будущих поколений.

Сюзи хихикает и дергает одну из белокурых косичек, которые я заплела ей сегодня утром: сестренка хотела быть похожей на Хайди из новой книжки. Левая косичка еще держится, а правая почти распустилась — Сюзи постоянно с ней играет.

— Сэффи, — упрекает меня сестра, — ты должна продать мистеру Овечке то, что он просит.

Вечно она выходит из роли. Любит мной покомандовать, каждый раз говорит, что я играю неправильно. У нее в голове собственные правила, и в отличие от тех игр, которыми занимаются взрослые, я затрудняюсь определить — какие именно и как они поменяются в следующую минуту. На самом деле поэтому я и люблю с ней играть. С Сюзи не соскучишься.

— Овечка должна попросить товар, который я смогу продать, Сюзи-сан.

Домашнее прозвище для сестры выбрано не случайно — Гарольд оплачивает нам преподавателя японского языка, платит и за многое другое.

— Если я не могу купить особенные носки, — продолжает Сюзи голосом мистера Овечки, — тогда продай те, которые на тебе.

— Вот эти? — Я с негодованием вытягиваю ногу и шевелю пальцами. — Они мои. Без них я замерзну.

— А я требую!

— Сколько же ты заплатишь?

Сюзи морщит лоб — думает.

— Пятьсот долларов.

— Меньше чем за пятьсот долларов и пятьдесят центов не уступлю.

— Давай за пятьсот долларов и восемнадцать центов.

— Продано!

Я снимаю розовые носки с изображением кошечки Китти¹. Мне они не по возрасту, да и маловаты — нога за лето

¹ Также известна как Hello Kitty. Персонаж японской поп-культуры, изображается в виде антропоморфной белой кошки породы японский бобтейл с красным бантом на голове.

выросла аж на два размера. Тщательно разглаживаю — чтобы ни морщинки — и скатываю, придав им форму швейцарского шоколадного батончика.

— Только не надо снова говорить, что у тебя нет с собой денег, мистер Овечка.

Потираю пальцами в универсальном жесте: гони наличные!

— Мисс Сьюзан... — подает голос появившаяся у двери Мэг. — Ваш отец просит, чтобы вы поплавали с ним в бассейне.

Моя рука со скрюченными пальцами повисает в воздухе.

— Хорошо, — отвечает Сюзи.

Поднимается, бросив мистера Овечку на пол, застеленный небесно-голубым ковром, по которому плывут белые облачка. Ковер выбрала я, когда в спальне сестры сделали ремонт: пусть воображает, что ходит по воздуху, пусть хотя бы одна из нас будет счастлива и беззаботна.

— Нет! — говорю я.

— Но я люблю плавать, — спорит Сюзи.

Любит, это правда. И плавает неплохо. Сама учила, когда Гарольд уезжал. Наш бассейн — отличное место, и в моих бедах он нисколько не виноват. Просто часть дома, которая сама по себе не может быть хорошей или плохой, — смыслом ее наполняет то, что там происходит.

— Ты простудишься, — возражаю я. — Снова заболеешь, так что это не лучшая идея.

Мэг исчезает за дверью — ее функция выполнена, сообщение передано. С тех пор, как умерла мама, прислуга обрела свойство таять в воздухе. Изо всех сил старается не замечать очевидного.

— Но папа...

— Скажу Гарольду, что у тебя насморк. Сядь, посмотри «Русалочку». Лучше с ним поплаваю я.

— Вечно ты одна купаешься с папочкой!

Сестра обиженно оттопыривает нижнюю губу. Щекочу ее, пытаюсь развеселить. Ура, смеется, показывая дырку на месте переднего зуба, и по-детски круглое пузико колыхается под розовой футболкой. Сюзи шесть лет.

Всего шесть...

А мне было пять.

— Мы с тобой искупаемся попозже, — обещаю я. — Сыграем в Марко Поло.

— Поклянись!

— Если мистер Овечка заплатит за носки, считай, что моя клятва нерушима.

Иду к телевизору, нахожу нужный диск и нажимаю кнопку воспроизведения. Сюзи плюхается в кресло-мешок. Я наклоняюсь и целую ее в идеальный пробор, на который потратила утром немало времени. Какая нежная, невинная у нее кожа...

Бреду в свою спальню по застеленному ковром коридору. Натягиваю купальник.

Надеваю его каждый раз, хотя смысла в этом никакого — просто элемент игры, которой заставляет меня заниматься Гарольд. Правила я прекрасно знаю — не хуже, чем расположение веснушек на собственной кисти или форму каждого ногтя.

Иногда он и правда плавает. Потом. Последние несколько раз я и сама не отказывала себе в удовольствии пройтись хорошим кролем из конца в конец. Показывала,

что умею контролировать свое тело и дыхание, чувствую себя в воде как рыба. И вообще, знаю что делаю.

Наверное, поэтому сегодня он вызвал Сюзи, а не меня.

Спускаюсь по главной лестнице, скользя ладонью по отполированным перилам. По пути мне не встречается ни одна живая душа. Зато из золоченых рам на стенах поглядывают предки Гарольда. Хорошая половина из них похожа на него. Остальные — нет, и слава богу. Один из этих персонажей, у самого начала лестницы, позирует в жабо и парике. Степенный чопорный господин, судья. Глаза бледно-голубые, как у Гарольда, и нарисованы так, будто провожают тебя взглядом, где бы ты ни встал. Весь фокус в том, что радужка не касается нижних век, — это мне учитель рисования объяснил. Я потом намалевала десяток подобных лиц, будто следящих за тобой, и развесила их на стене в домашней классной комнате. Правда, они меня не защитили.

В принципе я запросто могла бы уехать в закрытую английскую школу — стоило только попросить, однако предпочла остаться с сестренкой. Как знала, что этот день наступит...

Я переступаю по персидскому ковру, затем шлепаю ногами по плитке. Столько раз вот так ходила — тропинку протоптать можно. Летом Гарольд в Нью-Йорке жить не любит. Обожает морской воздух, яхту и открытый бассейн во дворе — это его маленькое водное царство.

Бассейн отгорожен от дома высокой живой изгородью. Обхожу ее сбоку. Отчим уже в воде. Блаженствует в глубоком углу, у трамплина, упираясь руками в бортики, болтает ногами.

Гарольд Лион — красивый мужчина. Сто раз это слышала с тех пор, как мама вышла за него замуж. Впрочем, сама я на этот счет мнения не имела — была совсем малышкой. Шевелюра у него песочного цвета и редеть, как у предков на портретах, еще не начала. Глаза бледные, а ресницы такие светлые, что выглядят почти белыми. Он постоянно занимается своим телом, поэтому подтянут и силен. Грудь Гарольда покрыта веснушками; посередине грудной клетки поросль песочных же волос — кудрявых и пружинистых, не таких, как на голове.

Мама его любила. Я ее чувств никогда не разделяла и теперь стараюсь смотреть на отчима словно со стороны — тогда не так больно.

Услышав шаги, Гарольд поворачивается и сдвигает брови:

— Я просил прислать твою сестру.

— Сюзи ты не получишь!

Останавливаюсь в полуметре от бассейна, у самого угла. Стою, поджимая пальцы на холодном бетоне. Сегодня прохладно. Кожа покрывается мурашками; соски твердеют и торчат сквозь верхнюю часть купальника, словно пули. Груды у меня по большому счету нет. Для своего возраста я высокая, да и ноги здорово выросли, однако плавные изгибы, как говорят в журналах, еще не сформировались. Месячных у меня пока не было, хотя книжки, которые мне разрешают читать, утверждают: вскоре я ступлю на зыбкую пугающую дорожку, ведущую к взрослению.

Вероятно, поэтому Гарольд меня больше и не хочет. Скорее всего, мои показательные заплывы и любые иные меры здесь ни при чем. Дело в природе, в предопределенности, которая управляет нашим развитием.

На дворе сентябрь; листва уже желтеет. Гарольду принадлежит огромный, засаженный деревьями земельный участок — где он кончается, из окна не разглядишь.

— О чем ты? Я просто хотел поплавать.

Он ухмыляется. Именно от него я научилась особенной уловке: говоришь одно, а подразумеваешь совсем другое. Вроде как лжешь и в то же время заставляешь окружающих делать вид, что они в эту ложь верят.

— Ты не посмеешь ее использовать. Меня — пожалуйста. Даже прикинусь, что мне нравится, если тебе от этого лучше. Сюзи ты не тронешь.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Она называет тебя папочкой, а я к тебе так никогда не могла обращаться.

— Ну да, я ведь ее отец.

— Не настоящий отец!

— Серафина, не будь такой упрямой. Приведи сестру.

— Нет!

Теперь он смотрит мне прямо в глаза, и его лицо искажено от гнева и неудовлетворенного желания.

Я сжимаю челюсти — чтобы не стучать зубами. Напоминаю себе: стыдиться нечего, я делаю это ради сестры. Никто меня не видит, никто ничего не слышит, иначе эта история кончилась бы давным-давно.

А может, и нет. Гарольд — сильный мужчина, а мы всего лишь маленькие девочки.

Он сурово хмурится. Раньше отчим меня уговаривал и задабривал. Обещал все на свете. У меня полная комната игрушек, к которым я ни разу не притронулась; в шкафчиках лежат горы шоколадок, однако я их даже не пробовала.

— Не пытайся казаться взрослой женщиной. Это просто нелепо. Посмотри на себя: кожа да кости. Кто на тебя поглядит? Ты страшенькая девочка и вырастешь в страшную женщину.

А я слышу совершенно другое — то, что он говорил тысячу раз здесь, в бассейне, где его голос отражается эхом от керамической плитки.

«Моя девочка, моя маленькая красавица, моя тайная страсть...»

Представляю, как он бормочет то же самое моей сестренке, которая еще не знает правил игры. Сюзи, уверенной в том, что стоит лишь пожелать — и желание сбывается. Сюзи невинна и счастлива — все чувства напоказ, а так нельзя.

Я приседаю на корточки, отталкиваюсь и прыгаю на Гарольда. Пусть заткнется! Растопырываю пальцы и вцепляюсь ему в лицо. В глаза не попадаю, получается лишь оцарапать ногтями щеку, зато застаю его врасплох. Он резко откидывает голову и с силой ударяется затылком о трамплин; его зубы клацают.

Раздается влажный хлюпающий звук.

Разумеется, Гарольд сильнее и больше, но я чувствую, как обмякло его тело, как оно погружается под моим весом в воду.

Хотя его голова под поверхностью, сознание он не потерял. Наверное, за годы я изучила Гарольда так, что читаю его, словно открытую книгу. Он поражен. Я сверху, и у меня преимущество: можно сесть ему на шею, сомкнуть бедра и давить вниз. Руками упрюсь в бортик и использую всю свою силу — зря, что ли, столько плавала кролем? Покажу, что я уже не та маленькая девочка...

Гарольд борется. Его пальцы судорожно хватают меня за бедра. Ну, тут ничего нового. Цепляется за низ купальника, а его затылок упирается мне в то место, которого он много раз касался с властностью собственника — словно получил на него права, женившись на маме.

Воздух выходит из его рта смешными пузырьками, словно Гарольд пускает под водой газы.

Мое хихиканье разносится в холодном воздухе. Он беспомощен — давит снизу, пытаюсь вынырнуть, а я осознаю: вот что значит *взросление*. После первых месячных мое тело станет приобретать женские формы, и тогда я смогу изменять правила. Обрету силу, которая позволит все исправить.

Чудесная наступит жизнь...

Гарольд прекращает сопротивление гораздо раньше, чем я предполагала. Еще некоторое время удерживаю под водой его безвольное тело. Разглядываю вечнозеленую тисовую изгородь. Было время — я готовила волшебные зелья: набирала банку воды из бассейна, бросала в нее красные ягоды тиса и давила их палочкой, пока на поверхность не всплывут коричневые семена, а вода не приобретет цвет крови.

Мама говорила: плоды тиса ядовиты и воду из банки ни в коем случае пить нельзя. Не догадывалась, что ее муж и бассейн куда опаснее, чем какие-то ягоды. Умерла она слишком рано. Я нашла ее в кровати — мертвую, но прекрасную. Наглоталась таблеток, сказал ее муж; сама виновата.

Вцепившись в бортик, продолжаю стискивать ногами шею Гарольда сколько могу. Потом силы кончаются, и я начинаю дрожать от холода. А душа поет.

Наконец раздвигаю бедра, которые уже сводит судорогой. Гарольд всплывает. Говорят, у него красивые плечи,